

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

З.Р. Высоцкая*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЭТНИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются содержательные особенности исторической политики в отношении различных этнических групп. Актуальность исследования обусловлена возрастающим значением этнической идентичности как политического ресурса в современном мире. На основе описательно-типологического метода раскрывается содержание основных сюжетов исторической политики, к которым наиболее часто обращаются этнические общности для достижения определенных политических целей: поиск «золотого века», связи истории народов с древними цивилизациями, исторической территории, определение этнической эксклюзивности, сакрализация страданий нации.

На значительном количестве примеров показано, что на современном этапе историческая политика становится неотъемлемой частью формирования этнической и национальной идентичности, повышает уровень политизации этничности в обществе.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, символическая политика, исследования памяти, нация, нациестроительство, политизация этничности.

The submitted article is focused on the potential use of history as an instrument of political governance. The author gives a review of the evolution of historical politics as a socio-political phenomenon and its theoretical understanding in modern political science. The key topic of the submitted paper is the ethnic aspects of historical politics. The author reveals the content of the main narratives of historical politics, which are often addressed by various ethnic groups in the process of nation-building. The speech is about the inquiry about the “golden age” of the history, the sacralization of the national suffering, the linking of the history with ancient civilizations, etc. Finally, it is put wise of the ways of raising the level of politicization of ethnicity caused by a variety of historical narratives.

* *Высоцкая Зоя Романовна* — аспирант кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: VysotskayaZR@sra.msu.ru

Key words: historical politics, politics of memory, symbolic politics, studies of memory, nation, nation-building, politicization of ethnicity.

Социальная реальность XXI в. демонстрирует, что история является не только сферой научного интереса профессиональных историков, но и ресурсом деятельности профессиональных политиков. Ученые спорят о времени, когда история вышла за рамки академической науки и стала инструментом, к которому обращаются политики ради достижения целей, связанных с распределением как материальных, так и символических ресурсов в борьбе за власть. Существует мнение, что представители романтического национализма первыми предприняли приватизацию истории¹. В XVIII–XIX вв. история постепенно становится объектом политических притязаний. Действительно, во многом активное развитие истории как науки в то время было обусловлено растущим интересом народов к своим корням, культуре, языку. Именно в процессе вызревания так называемых «национальных историй» впервые становится заметной инструментальная роль явления, которое в начале XX в. основоположник “memory studies” М. Хальбвакс назовет «коллективной памятью»². Так, по мнению видного чешского историка М. Хроха, начиная с XVIII в., «память» об общем прошлом, толкуемом как «судьба» группы или хотя бы ключевых ее элементов»³, становится неизменным столпом нациестроительства наряду с плотностью культурно-лингвистических коммуникаций и концепцией гражданского равенства. С тех пор исторические основания неоднократно способствовали изменениям на политической карте мира, обусловленным активными процессами становления наций и последующего создания национальных государств.

Современный мир демонстрирует не только существенную роль истории в процессе нациестроительства, но и расцвет полноценной исторической политики как целенаправленной деятельности заинтересованных субъектов по конституированию надлежащего образа

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06 М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 32.

² Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2> (дата обращения: 10.02.2020).

³ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон [и др.]; пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 122.

прошлого. Именно через управленческий контекст наиболее полно раскрывается разница таких понятий, как «историческая политика» и “memory studies”. По сути, историческая политика — это реализация достижений memory studies на практике, что отражается в многочисленных трактовках понятия «историческая политика». Так, по мнению польского ученого-историка М. Чихоцкого, историческая политика — это «непрерывное стимулирование обсуждения прошлого посредством различных форм его институционализации»⁴. В.А. Ачкасов приводит следующее определение исторической политики, данное Р. Траба: «Историческая политика — намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление и переопределение отдельных фрагментов общественной памяти»⁵. Г.В. Касьянов в работах, исследующих прикладные аспекты исторической политики, определяет историческую политику как «разновидность политики, целью и содержанием которой является целенаправленное конструирование и утилитарное использование в политических целях «исторической памяти» и других форм коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций, в том числе профессиональной историографии»⁶.

Однозначно, высокий интерес к исторической политике и смежным исследовательским полям стимулирует активное обсуждение категориального аппарата, предметного поля сферы, субъектности исторической политики. Так, по мнению О.Ю. Малиновой, историческая политика является частью политики памяти, и проявлением символической политики, различие между ними заключается в акторах. Историческая политика включает действия государства по отношению к прошлому, а в политике памяти объединены действия государства и других акторов)⁷. Крупнейший российский исследователь исторической политики на современном этапе А.И. Миллер в вводной статье к сборнику «Историческая политика в XXI веке» обращает внимание на многообразие субъектов исторической по-

⁴ Цит. по: Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 16 (4). С. 109.

⁵ Там же. С. 111–112.

⁶ Касьянов Г.В. Украина и соседи: Историческая политика. 1989–2018. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 35.

⁷ Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.

литики: от государства и политических партий до политически активных диаспор⁸.

Таким образом, историческая политика немыслима без субъектов, деятельность которых заключается в формировании актуальной для общества историко-политической повестки. Подчеркнем, что субъектами проведения исторической политики в разных обществах могут быть как государственные, так и негосударственные акторы. Субъекты реализации исторической политики могут быть как лояльны доминирующему в обществе историческому нарративу, так и оппозиционны, предлагая альтернативные трактовки исторических явлений и событий. Деятельность субъектов исторической политики может быть направлена как на сохранение памяти о конкретном историческом прошлом, так и на его забвение. Многообразие форм проявления исторической политики — следствие дискуссионности данного вопроса, невозможное без существования плюрализма мнений в отношении одних и тех же явлений. Именно борьба мнений, институционализируемая в общественном пространстве в различных формах, становится основанием политизации истории.

Представленное исследование фокусируется на этнических аспектах исторической политики. Представляется, что в эпоху активного утверждения различных идентичностей как форм проявления политического, инструментарий исторической политики будет играть все более значимую роль в политической жизни обществ, а этничность продолжит наращивать и укреплять свой символический и политический ресурс. Этим обусловлена актуальность всестороннего изучения способом использования политического ресурса различными этническими общностями в процессе реализации исторической политики. Цель представленного исследования заключается в выявлении и раскрытии содержательных основ этнически ориентированной исторической политики. Описательно-типологический метод позволит показать, к каким темам обращаются представители различных этнических групп на пути проведения исторической политики для достижения своих политических целей. Для каждой из выявленных повествовательных линий приводятся конкретные примеры, позволяющие продемонстрировать, как на практике реализуется историческая политика, проводимая в отношении определенных этнических

⁸ Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 14.

групп. Исследование дополнено анализом эволюции исторической политики как феномена общественно-политической жизни во второй половине XX в., поскольку развитие и состояние исторической политики неотделимо от контекста, в котором она зарождалась и реализуется на современном этапе.

Эволюция исторической политики

Зарождение самого понятия «историческая политика» произошло в Германии. После Второй мировой войны немцы ФРГ искали ту формулу, в соответствии с которой будет строиться общественно-политическая повестка в отношении их непростого исторического прошлого. Основной водораздел мнений шел по вопросу о необходимости признания и раскаяния в отношении преступлений гитлеровского режима. Сменяющие друг друга правительства на протяжении всей второй половины двадцатого столетия проводили разную политику, выстраивая определенную смысловую картину прошлого, однако смена власти происходила быстрее, чем сторонники той или иной исторической интерпретации уходили на покой. В связи с этим дискуссии не прекращались независимо от того, сторонники какого подхода были у власти, однако все они «подливали масла в огонь», стимулируя новые витки дискуссии.

На рубеже 1980–1990-х гг. возникла необходимость пересмотра исторической политики Германии в связи с объединением ФРГ и ГДР. ГДР на протяжении существования своей государственности проводила единую политику в отношении прошлого, в отличие от ФРГ. Их основной посыл был следующим: ГДР не имела никакого отношения к нацистскому прошлому, они стабильно позиционировали себя как антифашистское государство. По сути ГДР полностью отмежевалось от своего германского прошлого. Поэтому, когда встал вопрос об объединении Германии, проведение определенной идеологической работы по части общего прошлого стало необходимым элементом нациестроительства объединенной Германии, к чему активно подключились как политики, так и ученые, тем самым понятие «историческая политика» постепенно вводилось в общественно-политический дискурс.

Действительно, немаловажную роль в процессе активного развития исторической политики с середины XX в. также сыграло то состояние, в котором находились гуманитарные науки во второй половине XX в. В академической среде тенденции развития гуманитарной науки в то время во многом определились так называемым постмодернистским поворотом. Однако расцвет постмодерна был

вызван не только внутренней логикой развития науки, но и рядом внешних причин, связанных с общественными потрясениями XX в. — Второй мировой войной, распадом колониальной системы и другими. Эти события оказывались в центре внимания не только в среде ученых, но и благодаря своему масштабу и очевидной исторической значимости, вызвали широкий общественный резонанс по всему миру. Поэтому на политическую авансцену вышли последователи романтического национализма XIX в. в лице апологетов антиколониального движения, а в науке широкое распространение получили постколониальные исследования.

Очевидно, что вышеописанные факторы способствовали вызреванию и развитию исторической политики. По сути, историческая политика является порождением своей эпохи, хотя ее предтечи существовали и в XIX в., и даже в XVIII в. Но наиболее активное развитие историческая политика как явление общественно-политической жизни той эпохи получила накануне и в ходе окончания эпохи биполярной системы международных отношений, распада СССР, в реалиях центральноевропейских и восточноевропейских стран, а также постсоветского пространства.

Становление ряда национальных государств на этих территориях в последние нескольких десятилетий было тесно связано с функционированием исторической политики. Государства, высвобождавшиеся от идеологического гнета, в процессе нациестроительства определяли узловые моменты истории народа, необходимые для консолидации населения новообразовавшихся стран, формирования общенациональной идентичности. Отсюда возникала необходимость предпринять ряд мер по распространению определенной исторической картины мира. В связи с этим А.И. Миллер отмечает, что «в интерпретации природы самого явления, которое мы называем историческая политика, акцент в большинстве случаев делается почти исключительно на коммунистическом наследии. То есть современные политические манипуляции историей объясняются, прежде всего, как наследие прошлых злоупотреблений в этой сфере»⁹. Проведение исторической политики заполняло идеологические лакуны новообразованных стран, помогало политическим элитам нарисовать удобоваримую картину мира, в которой находятся страны после распада социалистической системы.

Исследования посткоммунистического наследия по своей форме и содержанию близки к постколониальным исследованиям,

⁹ Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе... С. 12.

более того, рядом ученых признается, что посткоммунистические исследования являются частным случаем исследованием постколониальных состояний государств. Стоит также обратить внимание, что историческая политика на практике является формой идеологической работы. Поскольку историческая политика подразумевает конкуренцию идей, мнений и смыслов, то отмечается, что это явление присуще только демократическим странам, в то время как для стран с авторитарными и тоталитарными режимами синонимом является именно идеология¹⁰. Однако необходимо подчеркнуть, что в XXI в. история стала специфической сферой конкуренции не только внутривнутриполитического характера, но и внешнеполитического. В связи с этим соперничество мнений перешло на транснациональный уровень, и внутри конкретной страны вполне может не быть демократического режима для проведения внутривнутриполитической исторической политики, но может быть внешнеполитическая историческая политика. Пример развития исторической политики в связи с внешнеполитическим фактором — Россия рубежа 2000–2010 гг., проведение исторической политики которой было ответом на внешние «раздражители»: активные порицания России как правопреемнице СССР со стороны прибалтийских и ряда восточноевропейских стран, обвинявших ее в их угнетении во времена господства социалистического режима. В.А. Ачкасов точно характеризует историческую политику в России как реактивную¹¹. Более того, анализируя действия представителей главного внешнеполитического ведомства России — МИД РФ, К.А. Пахалюк делает небезынтересную ремарку: по его мнению, действия России [на международной арене] определяются (фундированы) самой историей, а ее знание позиционируется как политический ресурс¹². Новый виток актуализации исторической политики, направленной вовне, наблюдается в России и сопредельных странах в связи с юбилеем Победы в Великой Отечественной войне и окончанием Второй мировой войны в 2020 г.

За десятилетия своего развития историческая политика приобрела серьезные масштабы, «обросла» целыми исследовательскими полями для изучения механизмов претворения ее в жизнь, и являет-

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Ачкасов В.А. Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств // Вестн. Томского гос. ун-та. 2019. № 440. С. 148.

¹² Пахалюк К.А. Обращение к прошлому в контексте российского внешнеполитического дискурса (по материалам Министерства иностранных дел) // Политическая наука. 2018. № 3. С. 246.

ся неотъемлемой частью идеологической работы во многих странах мира. Многообразие инструментов и механизмов ее реализации зависит от условий и целей, в которых свою деятельность осуществляют акторы исторической политики. Наиболее значимыми механизмами исторической политики на данный момент являются разного рода коммеморативные практики, а также научно-образовательная политика. Нельзя не отметить и тесную связь исторической и молодежной политики, обусловленную необходимостью формирования надлежащей историко-политической повестки для подрастающего поколения. М.Л. Шуб констатирует, что, когда общество или отдельная группа принимают решение о сохранении в коллективной памяти того или иного события или личности, они также одновременно принимают решение и о формировании определенных ценностных ориентаций и моделей поведения у своих современников и потомков¹³.

Этническая тематика исторической политики

В представленной работе обратимся к исследованию исторической политики государства в отношении этнических групп и действий групп с этнической спецификой. В данном случае осуществление исторической политики является не только важным механизмом сохранения этнокультурного многообразия через стимулирование обсуждения исторического наследия и актуализации коммеморативных практик, но и необходимым этапом на пути нациестроительства любым народом или консолидации уже сформировавшихся наций. М.Н. Губогло предложил трактовать национальную историю как историю этнической мобилизации, которая понимается как теория, идеология, борьба народа за свои национальные интересы и приоритеты в процессе создания национальной государственности¹⁴. На современном этапе историческая политика является важнейшим механизмом процесса нациестроительства во всем мире, будучи неотъемлемой частью политического управления. Однако чаще всего механизмы исторической политики изучаются методом кейс-стадий, тщательного анализа каждого конкретного случая. Обобщающих, типологизирующих и методо-

¹³ Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80.

¹⁴ Аймермахер К., Бордюгов Г. Свое и чужое прошлое. Введение // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2003. С. 17.

логических работ крайне мало, что обуславливает актуальность и необходимость изучения влияния исторической политики на политизацию этничности в различных регионах и странах мира.

Политизация этничности является объективным следствием претворения исторической политики в жизнь. Ее влияние на этот процесс затрагивает весь спектр уровней этого процесса от глобального (геополитические аспекты политизации этничности) до регионального и даже локального¹⁵. С одной стороны, в данном случае раскрывается политический аспект исторической политики, подразумевающий борьбу идей, политический торг, принятие определенных решений на уровне власти и разработку плана их реализации. Этот аспект исторической политики является не содержанием, а формой ее функционирования в общественно-политическом пространстве.

С другой стороны, содержательной, определенный выбор направлений научных исследований, их тематика и подходы могут оказывать каталитическое воздействие на процесс политизации этничности (что особенно характерно для научных центров в национальных регионах полиэтничного государства). Явное сходство постколониального дискурса и современной официальной риторики в ряде постсоветских государств, рассматривающих свое пребывание в составе Советского Союза и Российской Империи сквозь призму концепций «колониального гнета» и «тюрьмы народов» позволяет утверждать, что определенные компоненты данного дискурса сознательно использовались при формировании государственной идеологии этих стран.

Практически во всех подходах к пониманию природы этноса и этничности (кроме социобиологической концепции) так или иначе присутствует исторический аспект, который раскрывается либо через эволюцию этнической группы в контексте мирового исторического процесса, либо как один из многочисленных маркеров, позволяющих произвести идентификацию по принципу «мы — они». Так, в качестве одного из аргументов за или против того, являются ли русские, украинцы и белорусы единым народом, в ходе подобных дискуссий разные стороны обращаются именно к истории этих народов, чтобы доказать свою позицию. При этом подоплека данной полемики — сугубо политическая. Целенаправленно формируемый вокруг этнической группы исторический

¹⁵ См., например: *Силаев Н.Ю.* Этнические движения и муниципальная политика на Северном Кавказе: монография. М.: МГИМО-Университет, 2020.

нарратив, разделяемый определенной этнической группой, который становится способом ее консолидации на уровне коллективного сознания. Эта деятельность отражает содержание исторической политики в отношении этнических групп и демонстрирует высокий потенциал политизации этничности в процессе реализации исторической политики. В.А. Ачкасов констатирует, что «идентичность — как этническая, так и национальная, укоренены в исторической памяти, а идентификация является одной из основных (наряду с легитимацией) функций коллективной исторической памяти. Поэтому манипуляция с исторической памятью в политических целях, представляющая суть исторической политики, является одновременно и манипуляцией с групповой идентичностью»¹⁶. Нельзя также упускать из виду тенденцию становления идентичности как фактора международной политики, а значит, усиливающийся политический ресурс этого конструкта. Этот тренд, по словам Л.А. Фадеевой, актуализировался в последние годы, когда выстраивание внешнеполитического курса, обоснование претензий на изменение роли в мировой политике происходит за счет обращения к идентичности: новая китайская идентичность и китайская мечта Син Цзиньпина, новая исламская идентичность Турции Реджепа Эрдогана, обращение к японской идентичности в риторике Синдзо Абэ, призыв Дональда Трампа сделать Америку снова великой и вернуть американскую мечту¹⁷.

Обобщая тематическое содержание исторической политики в отношении этнических групп, можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся повествовательные линии (которыми, разумеется, не ограничивается все имеющееся многообразие компонентов исторической политики):

- выявление связи истории народа с древними цивилизациями и культурами;
- поиск «золотого века» в истории народа;
- формирование пантеона национальных героев;
- реконструкция образов деятелей культуры и искусства, достижений духовной жизни народа с целью последующей идеализации;
- формирование образа внешнего врага народа;

¹⁶ Ачкасов В.А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 2 (18). С. 182.

¹⁷ Фадеева Л.А. Секьюритизация политики памяти и идентичности в арсенале политиков и аналитиков // Известия Алтайского гос. ун-та. 2020. № 6 (116). С. 75.

- табуирование проблемы этнических конфликтов;
- война топонимов (стремление придать географическим и социальным объектам этнически ориентированное наименование);
- поиск и обоснование территории зарождения и исторически обусловленной принадлежности территорий этносу.

Г.В. Касьянов также добавляет такие тематические линии, как:

- сакрализация страданий нации;
- этническая эксклюзивность¹⁸.

Раскроем некоторые из повествовательных линий подробнее с привлечением примеров историко-политического нарратива некоторых этнонациональных общностей. Поскольку, как уже отмечалось, особое значение историческая политика приобретает в условиях постсоциалистического строительства, многие из примеров будут относиться к народам, государственное строительство которых активизировалось в связи с распадом СССР.

Стремление выявить связь истории народа с древними цивилизациями и культурами встречается повсеместно среди народов, опыт самостоятельной государственности которых либо полностью отсутствует, либо непродолжителен по времени. Далеко не всегда родство подтверждается реальными антропологическими и археологическими исследованиями. Поиск своих древних корней позволяет народам на современном этапе приобщиться к крупным общностям на цивилизационном уровне. Авторы сборника под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной отмечают, что именно цивилизации и иные социокультурные образования берут на себя функции участников политического диалога в современном динамично изменяющемся мире¹⁹. Поэтому во многих случаях такие поиски связывают народы с западной цивилизацией как цивилизацией наиболее влиятельных и развитых в социально-экономическом отношении стран. Данный процесс ярко выражен в современной Украине, где попытки изучения этногенеза украинцев приводят к разнообразным версиям, среди которых встречаются и трипольская культура (VI–III тыс. лет до н.э.), и Антское царство (II–VII вв. н.э.). Украинский историк К. Галушко так описывает причины интереса к трипольской теме: «Псевдоисторическая индустрия, развившаяся

¹⁸ Касьянов Г.В. *Danse Macabre. Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії*. Київ: Наш час, 2010. С. 209–212.

¹⁹ Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 13.

на эксплуатации наследия ни в чем не повинных трипольцев, активно растет: сооружаются частные музеи, цена на трипольские находки увеличивается (часто безосновательно), «черная археология» и подделки процветают, а частные коллекции успешно пополняются. Поэтому «трипольская наука» не может останавливаться в своем развитии»²⁰.

В политическом отношении не менее важна дискуссия вокруг статуса Киевской Руси, а соответственно всего политического наследия российской и украинской истории. Признание прямой преемственности Московского княжества от Киевской Руси означает для украинцев отчуждение истоков их национальной истории, а вместе с тем и получение статуса «младшего брата» по отношению к русскому этносу. Поэтому, как отмечает В. Васильев, «в конце 1980-х гг. в украинской историографии подобная схема российской истории и этногенеза восточнославянских народов, а также связанный с ней психологический комплекс «старшего великорусского брата» и «младшего украинского брата», превратились в попытку научно обосновать, что младший брат на самом деле является «старшим братом»²¹. Таким образом, вопрос о близости этнического родства русских и украинцев (в этом контексте также и белорусов) в современном историко-политологическом дискурсе оказывается одним из наиболее характерных источников политизации этничности на постсоветском пространстве. Эта тема периодически поднимается на уровне высшего политического руководства заинтересованных стран²². Более того, как отмечает ведущий исследователь исторической политики на Украине Г.В. Касьянов, сформировавшийся в официальной историографии и учебных программах стандарт истории Украины представлял собой этноцентрический нарратив. История Украины была историей этнических украинцев. Все другие

²⁰ *Галушко К.* В поисках первой цивилизации. Почему украинцы не могут быть трипольцами? 20.03.2018 // Inosmi.ru: сайт. URL: <https://inosmi.ru/social/20180320/241753380.html> (дата обращения: 15.01.2021).

²¹ *Васильев В.* От Киевской Руси к независимой Украине: новые концепции украинской истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2003. С. 218.

²² Путин: русские и украинцы — один и тот же народ. 21.02.2020 // Бизнес-ФМ: сайт. URL: <https://www.bfm.ru/news/437198> (дата обращения: 15.01.2021); Порошенко предложили переименовать Украину в Киевскую Русь. 31.03.2016. ТАСС, информационное агентство: сайт. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3165906> (дата обращения: 15.01.2021).

этнические группы, составлявшие на начало 2000-х гг. четверть населения страны, или вообще отсутствовали, или в лучшем случае просто не упоминались²³.

Поиск «золотого века» в истории народа является логическим продолжением описанной выше повествовательной линии, нацеленной на поиск цивилизационных основ той или иной нации. «Золотой век» как исторический период наивысшего расцвета культурной, духовной, социально-экономической жизни народа демонстрирует желанный образ государства и общества, к которому с поправкой на современность апеллируют политические элиты, выстраивая стратегии развития общества, региона, страны. Зачастую этот период сопряжен с наличием независимой государственности, изрядной военной мощью, появлением плеяды деятелей, заложивших основы национальной культуры. Этот процесс сопровождается *поиском достижений духовной жизни народа, формированием пантеона национальных героев*.

Для некоторых народов поиск «золотого века» идет параллельно с выработкой актуальной политической повестки. Характерен пример татар, историческое прошлое и политика идентичности которых представляет собой основание для выработки политического курса Татарстана по отношению к внешнему миру. Так, В.И. Шнирельман описывает 4 исторических нарратива в отношении «золотого века» татарского народа²⁴. Наиболее значимыми для современной политической повестки татар являются так называемые «золотоордынский» и «булгаристский» подходы.

Первый — золотоордынский, или татаристский подход, его сторонники опираются на идею, что своего могущества татары достигли именно в период расцвета Золотой Орды, в последующей истории они стали глубоко разделенным народом. При этом многими историками оспаривается факт генетической связи татар с золотоордынцами. «Цель татаристского подхода, делающего акцент на золотоордынских корнях современных татар, состоит в культурной и языковой консолидации всех татар под эгидой татар

²³ Касьянов Г.В. Историческая политика на Украине: и десять, и двадцать лет спустя / Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы: колл. монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского института в Санкт-Петербурге, 2020. С. 486.

²⁴ Шнирельман В.А. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Вестн. Евразии. 2002. № 4. С. 128–147.

казанских»²⁵. Однако негативной стороной принятия именно этого периода как «золотого» века является то, что период монголо-татарского ига прочно осел в коллективной памяти русского народа, составляющего более 80% населения России, и это осложняет внутривнутриполитическую презентацию татар в России.

Другой нарратив «золотого века» татар, последовательно отстаиваемый частью историков, переносится в период расцвета Волжской Булгарии. «В этом случае важно отметить, что история Волжской Булгарии, которая транслируется элитами в Татарстане, в отличие от истории Золотой Орды, не вступает в противоречие с исторической политикой современной России. Вероятно, это стало одной из причин «булгаризации» Казани и других городов республики, особенно в 2000–2010-е годы»²⁶. С этой позицией, однако, не согласен В.И. Шнирельман, что еще раз подчеркивает силу фактора интерпретации разнообразных исторических эпох в зависимости от политической конъюнктуры. Так, сравнивая содержание различных учебников истории в отношении прошлого татар, он пишет, что «романтизация [...] Волжской Булгарии — это вызов России, так как Волжская Булгария, во-первых, возникает не позднее Киевской Руси, во-вторых, принимает одну из мировых религий (ислам) раньше, чем произошло крещение Руси, в-третьих, ее столица Биляр рисуется крупнейшим городом Европы того времени, в-четвертых, по современной татарской версии, Казань возникла якобы раньше Москвы»²⁷.

Еще одна популярной этнической темой исторической политики является *сакрализация страданий нации*, в первую очередь через перевод любого этнического конфликта в статус геноцида. Е. Финкель очень точно называет этот процесс «поиском потерянных геноцидов»²⁸. К такой тактике в той или иной степени обращаются страны постсоветского пространства, в первую очередь — Украина, Азербайджан, Грузия, Армения, страны Балтии. Спектр политических возможностей, которые открываются через стимулирование

²⁵ Там же. С. 132.

²⁶ Карбаинов Н.И. Образы истории Волжской Булгарии в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 107–133.

²⁷ Шнирельман В.А. «Общее прошлое»: федеральные и татарстанские школьные учебники истории // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 116.

²⁸ Финкель Е. В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: 2012. С. 292–327.

обсуждения как «потерянных», так и признанных мировым сообществом актов геноцида, чрезвычайно обширен. Например, Б. Гродски отмечает, что различные группы сепаратистов могут использовать заявления о геноциде, чтобы подчеркнуть невозможность мирного сосуществования с государством, от которого они хотят отделиться²⁹. Европейский Союз, признавая Холокост одной из крупнейших трагедий истории Европы³⁰, поставил Холокост в смысловой центр всей проводимой исторической политики. Закрепление за Холокостом центральной роли в европейской политике памяти совпало с расширением Европейского союза на восток, с постепенным вступлением в ЕС многих бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы³¹. Поэтому именно «коммеморация Холокоста фактически стала одним из требований к новым членам ЕС, маркером принадлежности к «европейской семье» и приверженности «европейским ценностям»³². Таким образом, готовность разделять историческую политику становится важным фактором международной интеграции, и не только в Европе. Близость представлений об историческом прошлом — это неотъемлемая характеристика и для евразийского интеграционного процесса.

Следующий исторический нарратив, присущий этническим общностям, реализуется через осознание своей *этнической эксклюзивности*. При таком подходе к истории на первый план в национальной самопрезентации выходят отличительные черты народа, способные выделить их на фоне других народов. Чаще всего такие особенности обнаруживаются в сфере религии, языка, культуры, искусства. Например, говоря о чувашах, практически всегда в первую очередь упоминается тот факт, что чувашский язык — единственный дошедший до наших дней язык булгарско-хазарской группы, т.е. с точки зрения лингвистической классификации у чувашей как этнической группы близких «родственников» нет³³.

²⁹ Grodsky B. When two Ambiguities Collide: The Use of Genocide in Self-Determination Drives // Journal of Genocide Research. 2012. Vol. 14. Is.1. P. 14.

³⁰ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

³¹ Воронович А.А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах // Политическая наука. 2018. № 3. С. 170.

³² Воронович А., Евременко Д. Политика памяти по-киевски // Россия в глобальной политике. 2017. № 5. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/politika-ramyati-po-kievski/> (дата обращения 15.01.2021).

³³ Народы России: атлас культур и религий / отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Журавский, О.Е. Казьмина. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. С. 93.

Другой пример источника появления ощущения этнической эксклюзивности предлагают Б. Арутюнян и А. Исхандарян, описывая армянскую ситуацию: «Отличие догматики Армянской церкви от других христианских конфессий, ... плюс то, что армяне жили в окружении народов, инородных и по культуре, и по религии, и по языку, усиливало ощущение «самости» армян, и послужило одной из причин возникновения и поныне характерного для армян представления об избранности армянской нации и первородстве армянского христианства»³⁴.

Фактор исторической территории также входит в число наиболее распространенных содержательных линий исторической политики этнической тематики. Геополитические притязания этнические антрепренеры различных народов обуславливают тем, что эти территории являются территорией происхождения этнической группы. На фоне этнической идентичности усиливается и региональная (локальная) идентичность. Как следствие, поиск и обоснование принадлежности территории к процессу этногенеза оказывается в центре исследований и популяризации среди широких слоев населения. Зачастую этот процесс сопровождается активными процессами сепаратистского и ирредентистского характера, что приводит к высокому уровню политизации этничности среди заинтересованных сторон (как правило, стран).

Показательным примером того, как функционирует в историко-политологическом дискурсе данный фактор, является противостояние представлений о принадлежности Крыма к российскому культурному и политическому пространству, с одной стороны, и установок антироссийски настроенных крымско-татарских активистов — с другой, проявившееся в период перехода Крымского полуострова под юрисдикцию Российской Федерации в 2014 г. (русский и крымско-татарский «проекты»). Часть крымско-татарской общественности, представленная так называемым «правительством в изгнании», сформированным на Украине, была не согласна с итогами референдума, результатом которого стало вхождение полуострова в состав России. С подачи лидеров межджлиса на Украине педалируется идея придания статуса «коренного народа» крымским татарам. Расчет сделан на то, что, обосновав «коренной» статус

³⁴ Арутюнян Б., Исхандарян А. Армения: «карабахизация» национальной истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2003. С. 147.

крымско-татарского народа в международных организациях, лидеры межджлиса обоснуют незаконность референдума 2014 г. о воссоединении Крыма с Россией. Ведь правом проведения референдума может обладать лишь коренной народ — крымские татары³⁵.

Еще на один важный аспект, стимулирующий конкуренцию исторического прошлого, а соответственно, довольно часто приводящий к политическим дискуссиям, обращает внимание Р. Шукуров. Описывая состояние национальных исторических школ в Средней Азии, он отмечает, что «в тюркских республиках (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан) этническая история разрабатывалась как история территорий. Этим понятием автор называет такой подход, при котором культурным наследием того или иного этноса признаются все исторические имена и артефакты, имеющие отношение к территории современного его расселения»³⁶. При таком подходе этнические группы склонны «приватизировать» историческое наследие, не обращая внимание на объективные исторические процессы, связанные с этногенезом, миграцией, появлением и исчезновением государств на политической карте мира и другими аргументами. Чаще всего подобная историческая политика является следствием отсутствия продолжительного опыта самостоятельной государственности и частого перемещения границ.

Приведенным перечнем повествовательных линий в исторической политике не исчерпывается многообразие их конфигураций. Конфигурации повествовательных линий исторической политики, создаваемые различными этническими группами, зависит от целей и задач, стоящих перед определенным народом, и, разумеется, в ней могут присутствовать сразу несколько исторических нарративов.

Выводы

Развитие исторической политики стало возможным благодаря актуализировавшемуся во второй половине XX в. запросу на формирование надлежащего и политически пригодного образа исторического прошлого. Повсеместная целенаправленная деятельность субъектов исторической политики привела к тому, что историческая политика стала неотъемлемым элементом нацио-

³⁵ Швец А.Б. Риск политизации этничности в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2017. Том 3 (13). Вып. 3. С. 7.

³⁶ Шукуров Р. Таджикистан: муки воспоминаний // Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2003. С. 235.

строительства и формирования национальной идентичности, что особенно характерно для стран постсоветского пространства. При этом важно понимать, что историческая политика — это явление, которое выходит далеко за рамки академической среды и имеет востребованное прикладное политическое значение. Поэтому, говоря об исторической политике, всегда имеется в виду конкуренция исторических идей, образов прошлого, ценностей, наследуемых из прошлого народов.

Особо стоит отметить значение исторической политики в ходе формирования этнической и национальной идентичности. Наиболее предприимчивые представители различных этнических групп (этнические антрепренеры) активно обращаются к исторической политике с целью достижения определенных политических целей, чаще всего сопряженных с процессом нациестроительства. Как следствие возникает понятие «национальных историй», в которых определенная этническая группа особо акцентирует внимание на узловых моментах своей истории, сыгравших важнейшую роль в становлении их этнонациональной идентичности. Выстраивание матрицы ключевых исторических вех для любой этнической группы зачастую приобретает политизированный характер.

На основе рассмотренного содержания этнических сюжетов исторической политики, показано, что практически все они несут риски политизации этнического фактора. Возрастающее значение социокультурных факторов в политическом процессе стимулирует не только исторические, но и политические дискуссии вокруг тем, которые касаются происхождения народов, их исторической территории, принадлежности к древним цивилизациям и т.д. Выбор повествовательных линий исторической политики для этнических групп обусловлен разнообразными факторами, но, в первую очередь, их можно разделить на внутриполитические и внешнеполитические. Так, пример с татарами показывает, как поиск золотого века народа обуславливает позиционирование Татарстана внутри России. А в качестве внешнеполитического фактора особую смысловую нагрузку в политической среде несут нарративы героизации и сакрализации страданий народов, поскольку позволяют получать политические преференции на международной арене среди стран, разделяющих одинаковые подходы к своему прошлому.

Историческая политика на современном этапе продолжает набирать обороты и становится неотъемлемым элементом государственной политики во многих странах. Поэтому грамотное вы-

страивание исторической политики, как для государств, так и для отдельных этнических групп, во многом будет определять облик народов и наций на перспективу.

Литература

Аймермахер К., Бордюгов Г. Свое и чужое прошлое. Введение // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2003. С. 14–20.

Арутюнян Б., Искандарян А. Армения: «карабахизация» национальной истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2003. С. 145–158.

Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

Ачкасов В.А. Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств // Вестн. Томского гос. ун-та. 2019. № 440. С.146–152.

Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 16 (4). С. 106–123.

Ачкасов В.А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 2 (18). С. 181–192.

Васильев В. От киевской Руси к независимой Украине: новые концепции украинской истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2003. С. 206–227.

Воронович А.А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах // Политическая наука. 2018. № 3. С. 167–189.

Воронович А., Евременко Д. Политика памяти по-киевски // Россия в глобальной политике 2017. № 5. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/politika-pamyati-po-kievski/>

Карбаинов Н.И. Образы истории Волжской Булгарии в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 107–133.

Касьянов Г.В. Историческая политика на Украине: и десять, и двадцать лет спустя // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы: колл. монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского института в Санкт-Петербурге, 2020. С. 483–521.

Касьянов Г.В. Украина и соседи: Историческая политика. 1989–2018. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 670 с.

Касьянов Г.В. Danse Macabre: Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії. Київ: Наш час, 2010. 271 с.

Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. трудов / отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.

Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: 2012. С. 7–32.

Народы России: атлас культур и религий / отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Журавский, О.Е. Казьмина. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. 256 с.

Пахалюк К.А. Обращение к прошлому в контексте российского внешнеполитического дискурса (по материалам Министерства иностранных дел) // Политическая наука. 2018. № 3. С. 238–256.

Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06 М.: ГУ ВШЭ, 2003. 52 с.

Силаев Н.Ю. Этнические движения и муниципальная политика на Северном Кавказе: монография. М.: МГИМО-Университет, 2020. 328 с.

Современная политическая наука: Методология: Научное издание / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. «Аспект Пресс», 2019. 776 с.

Фадеева Л.А. Секьюритизация политики памяти и идентичности в арсенале политиков и аналитиков // Известия Алтайского гос. ун-та. 2020. № 6 (116). С. 73–76.

Финкель Е. В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: 2012. С. 292–327.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2>

Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б. Андресон и др.; пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. 416 с.

Швец А.Б. Риск политизации этничности в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2017. Т. 3 (13). Вып. 3. С. 5–21.

Шнирельман В.А. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Вестн. Евразии. 2002. № 4. С. 128–147.

Шнирельман В.А. «Общее прошлое»: федеральные и татарстанские школьные учебники истории // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 111–132.

Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.

Шукуров Р. Таджикистан: муки воспоминаний / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2003. С. 228–251.

Grodsky B. When two Ambiguities Collide: The Use of Genocide in Self-Determination Drives // Journal of Genocide Research. 2012. Vol. 14. Is.1. P. 1–27.